

Ирина Щеглова

Не жена

Ирина Щеглова

Не жена

«Автор»

2012

Щеглова И. В.

Не жена / И. В. Щеглова — «Автор», 2012

ISBN 978-5-699-57872-6

На что надеется любовница семейного человека? Конечно же, на то, что жена не стена, можно и подвинуть. На что надеется мужчина, заводя роман на стороне? Конечно же, на получение дополнительных удовольствий, менять устоявшуюся жизнь он не собирается. Но однажды необременительные внебрачные отношения становятся проблемными. Игорь оказался как раз в такой ситуации, разрываясь между женой и двумя любовницами. Нелегко приходится всем участникам игры. Хорошо, когда на помощь может прийти друг – дипломированный, хотя и не практикующий психолог.

ISBN 978-5-699-57872-6

© Щеглова И. В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

* * *	5
1	5
2. Связь	8
3. Как возникает длительная связь	10
4. Откуда берутся дети	17
5. Шантаж	18
Сергей	20
6. На рассвете	20
Игорь	22
7. Отдушина	22
8. Список требований	24
9. Снежный ком	26
Сергей	28
10. Море	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ирина Щеглова

Не жена

* * *

1

Превратности судьбы

Летом в городе невыносимо. И каждый уважающий себя муж старается отправить семью куда-нибудь подальше от города, желательно к морю. Там, конечно, тоже жарко, но хоть есть чем дышать. Не всякая жена любит отдыхать без мужа. Моя, например, не любит. Говорит, что боится ездить одна. Не могу назвать ее трусихой, скорее всего, ей некомфортно или скучно.

Пришлось долго уговаривать. Удивительные существа – женщины! Есть возможность покинуть задымленный, пожираемый жарой город, увезти с собой ребенка, отдохнуть, так нет. У нее страхи, капризы, ах, она не доедет, она умрет в раскаленном поезде, ее не встретят и обязательно что-нибудь случится, если не с ними там, то со мной тут. Я бы на ее месте подхватил сына, прыгнул в поезд – только меня и видели. А она тянула несколько дней, металась между самолетом и поездом, что-то прикидывала... Сидела, пригорюнившись, у распахнутого чемодана среди разбросанных по комнате вещей. Страдала, одним словом. Нет, я не утверждаю, что все женщины такие. Но большинство очень любит пострадать на пустом месте. Я бы и сам поехал с семьей, но работа! Надо было срочно сдать несколько статей. Мне требовалась еще хотя бы неделя.

Кое-как все-таки договорились. Жена купила билеты в купе с кондиционером (специально несколько раз уточняла у кассирши). Нервничала ужасно!

Наконец мне удалось посадить в поезд ее и Максимку – нашего отпрыска, и они отчалили. Я вздохнул свободнее.

Еще бы – крут немерено! А теперь: работать, работать и работать!

Оставшись в полном одиночестве, я засел за статью. Но поработать мне не дали. Позвонил мой хороший друг священник. Мы с ним знакомы тысячу лет, с тех пор, когда он еще и не помышлял о духовной карьере, а был обычным парнем, увлекался музыкой и даже поступал в консерваторию. И не только поступал, но и год в ней проучился. Потом была семинария, он женился, был рукоположен, дослужился до благочинного в одном из районов области.

В общем, звонку я обрадовался, сказал: «Об чем разговор, приезжай, отче, когда тебя ждать?» На что он ответил: «Думаю, ближе к вечеру освобожусь...»

Я, конечно, полез в холодильник, изучил его содержимое, потом сбегал в магазин, запасся продуктами, чтобы было чем попотчевать гостя. Опять заставил себя сесть за статью, немного поработал. И где-то в пятом часу услышал звонок в дверь.

На пороге стоял улыбающийся отец Николай, а рядом еще один наш старинный приятель Игорь.

– Гостей принимаете? – спросил отец Николай.

– А как же! – в тон ему ответил я. – Входите, входите, Игорек, тыщу лет тебя не видел! Какими судьбами?

Мы тепло обнялись. Я действительно давно его не видел. Хотя был наслышан, что у него вроде все хорошо, карьера пошла в гору, с семьей тоже вроде все в порядке.

Я провел гостей на кухню, где сразу стало тесно. Отец Николай вообще человек крупный, да и Игорек не мелкий, хотя и пониже батюшки. Так что мы заняли все свободное пространство. Я первым делом попытался их накормить, но меня остановили:

– Мы только что из-за стола, – объяснил батюшка, – нам бы чайку.

– Отче, давай хоть за встречу выпьем? У меня вино хорошее есть.

– Можно, – милостиво разрешил он.

Игорь замялся:

– Я за рулем... К тому же машина служебная...

– Интеллигенту не наливаем, – пошутил я, выставя на стол бокалы и бутылку вина.

– Ну, рассказывайте, – обратился я к гостям, открывая бутылку. – Как жизнь?

– Да вроде нормально все, с Божьей помощью, – отозвался отец Николай, – сам-то как?

Я смотрю, ты один хозяйствуешь.

Я разлил вино в два бокала. Игорь вздохнул и пододвинул к себе чашку с чаем.

– Один, – ответил я, – отправил своих отдыхать.

И поднял бокал:

– За встречу!

Мы с отцом Николаем чокнулись и выпили. Игорь молча прихлебывал свой чай.

– Признаться, я сегодня уже выпил, – сказал батюшка.

– А, вы же из гостей! – вспомнил я.

– С крестин, – ответил батюшка.

– Ого! Ну, тогда, наверное, знатный был обед, – пошутил я. – Кого крестил-то?

И тут Игорек, до сих пор молчавший, вдруг выпалил:

– Мою дочь...

– Дочь? У тебя дочь родилась? Что ж ты молчал! Ну, поздравляю!

Игорек помялся:

– Н-да... спасибо, ей уже год...

– А я и не знал, – удивился я.

– Я и сам не знал, – сказал Игорь. И тогда я впервые обратил внимание на выражение его лица. Он был бледен, глаз дергался, улыбка казалась кривоватой.

– А не повторить ли нам? – Я схватил бутылку и, чтоб скрыть неловкость, начал разливать вино.

Внезапно Игорь схватил мой бокал и выпил залпом. Батюшка крикнул. Я молча достал третий бокал и поставил перед Игорем. Налил. Он снова выпил.

– Раз такое дело, ребята, надо чего-нибудь покрепче, – пробормотал я.

И началась у нас суровая мужская пьянка.

Сразу оговорюсь: я человек малопьющий, отец Николай – тоже, кроме вина, ничего не употребляет. Игорь раньше слыл трезвенником. Но бывают в жизни такие минуты, когда о своих принципах забываешь.

После первой рюмки коньяка Игоря, видимо, немного отпустило.

– Вот такие дела, – наконец, тяжело вздохнув, произнес он.

Я похлопал его по плечу:

– Держись, брат...

– Стараюсь.

Отец Николай взял яблоко и начал его чистить. Несмотря на обилие закуски, ели мало. Игорь сосредоточенно поглощал рюмку за рюмкой. Мы старались не отставать. Батюшку пробить трудно, весьма велик, дай бог здоровья. Я почувствовал, как косею, а Игоря развезло основательно.

– Сейчас уже легче, – признался он, – спасибо Коле, – он кивнул на батюшку. – А было хоть удавить!

– Ну-ну, – пробасил батюшка, – жизнь-то не кончилась. Ситуация, конечно, тяжелая, что греха таить, – он шумно вздохнул, – будем молиться, Господь управит. – Он многозначительно поднял палец. – Я верю!

Игорь помотал головой:

– Я тебе, отче, страшно благодарен, – пробормотал он, – если бы не ты... Как жить дальше? Устал врать, мужики. Страшно жить во лжи!

– Ты вот что, – вступил батюшка, – ты резких движений не делай. Господь рассудит. Помни, ребенок ни в чем не виноват.

– Да я разве говорю?

– И жена твоя не виновата, – продолжил батюшка.

– Бедная Верка! – простонал Игорь. – Как представлю, что с ней будет, если узнает! И ведь не объяснишь...

– А она не знает? – зачем-то уточнил я.

– Нет, – ответил Игорь, – я и Дашке сказал, чтоб молчала...

Я сидел напротив, смотрел на него и думал: «Ну и вляпался ты, друг...» И так на душе гадко было. Вот ведь сидит хороший человек, в общем, порядочный, умный. А где-то там, в чужом доме, растет его ребенок...

– Ее зовут Даша? – уточнил я.

Игорь опрокинул в себя очередную рюмку:

– Дашка Баринова...

Так вот оно что. Теперь мне все стало более или менее понятно. Краем уха слышал о том, что у Бариновой был женатый любовник и вроде она от него ребенка родила, выходит, этот любовник – Игорь. Н-да...

Мы сидели до рассвета, Игорь все говорил и говорил, прорвало мужика, оно и понятно, столько времени в себе держал!

И вот такая картина нарисовалась, во всяком случае, я ее себе так представил.

Даже у очень хорошего и вполне порядочного мужчины могут быть детишки на стороне.

2. Связь

Он ее не замечал. Бегала какая-то девчонка, крутилась рядом... В группе двадцать человек, половина из них – женщины, точнее, девушки и женщины. Заочка. Приезжали разные люди из разных городов, встречались два раза в году, на сессиях. Объединяло их всех страстное увлечение театром. А Игорь, в общем, даже не учиться пришел, а так... Искал себя, можно сказать. Ему друзья и посоветовали, мол, сходи позанимайся, мастер набирает группу, очень хороший, к нему на тренинги народ в очередь стоит.

Он и пошел.

Время тогда такое было, непонятное. У Игоря диплом «чего-то там насчет кран-балок». Его специальность никого не интересовала. Он то ремонтами занимался, то машины продавал, то таксовал, подрабатывал то там, то сям. Жена, чтоб прокормить семью, вкалывала сутками. Тоска. Чаще всего Игорь просто сидел на кухне и курил. Так что, когда он сообщил, что будет поступать в театральный вуз, жена даже обрадовалась.

С мастером его познакомили заранее. Тот посмотрел и вынес вердикт:

– Иди ко мне вольным слушателем, нечего тебе чужое место занимать.

Было немного обидно, но Игорь стерпел. С другой стороны, не надо париться с экзаменами и контрольными, можно просто приходить на тренинг и репетиции, в этом имелся свой плюс.

Игорек увлекся и сам не заметил как. Новое действо скоро затянуло его, он чувствовал себя свободным, творческим человеком. Он даже влюбился. На первой сессии все были влюблены друг в друга. Правда, его молоденькая сокурсница предпочла ему другого и скоро вышла замуж. Переживал, хотя и понимал, что все правильно, так лучше и честнее. Да и что его могло связывать с этой девчонкой? Ничего... На первой сессии ставили этюды, на второй, весенней, – сказки.

Весной он уже хотел бросить все это, с женой начались скандалы. Ее раздражали восторженность мужа и слишком серьезное отношение к «художественной самодеятельности», как она называла всю его театральную деятельность. Ко всему прочему Вера ревновала, потому что Игорь часто задерживался на репетициях и приезжал за полночь.

Одним словом, хотел бросить, но не бросил. Как-то все успокоилось. К тому же Игоря пригласили на собеседование в PR-агентство, и он неожиданно для самого себя получил работу.

С женой помирились и решили относиться к его театральным занятиям как к хобби.

Так когда же он заметил Дашу?

Да, пожалуй, на осенней сессии второго курса.

Мастер повез их на какой-то спектакль к одному из своих бывших учеников. В автобусе от нечего делать играли в ассоциации.

Когда Игоря спросили о Дашке Бариновой, он не смог ничего придумать лучше, чем сказать:

– Поросяенок Фунтик, – был такой мультяшный персонаж в его детстве.

А Дашка обиделась. Покраснела. Он смутился, попытался отшутиться. И заметил ее взгляд: так смотрит на хозяина преданная собака.

Он скоро забыл об этом.

До следующей сессии.

А на следующей сессии Дашка стала его преследовать. Норовила при встрече взять за руку, прикоснуться плечом, а то и обвивала руками шею, повисала, прижималась грудью. Вроде бы в шутку, но эти столкновения и знаки внимания скоро стали навязчивыми, напоказ. Он избегал ее, старался не попадаться на глаза, особенно когда рядом никого не было. Она и раз-

дражала его, и в то же время он стал ловить себя на мысли, что Дашкина влюбленность льстит ему. Иногда он пугался своих мыслей, но чаще не придавал им особенного значения.

Однажды, это было уже в завершение весенней сессии, на четвертом курсе, после сдачи экзаменов, как обычно, устроили капустник, потом пошли в общагу к иногородним девчонкам, отмечали благополучно сданные экзамены, накрыли стол в складчину, шумели, говорили наперебой.

Потом, когда он собрался уходить, Дашка догнала его в коридоре, преградила путь, стояла, молитвенно сложив руки, смотрела этими своими щенячьими глазами. Он хотел вежливо отстранить ее, отшутиться, как обычно, но Дашка кинулась ему на грудь, зарыдала, заговорила, захлебываясь слезами:

– Больше не могу! Прости, прости! Я люблю тебя!

Он растерялся, опешил, гладил ее по спине, уговаривал, бормотал какие-то слова, утешал. Она мотала головой, цеплялась за него в иступлении, несла какую-то чушь.

– Возьми, возьми меня! – услышал он и невольно отозвался, в голове шумело от выпитого, горячее женское тело прижималось все сильнее...

Он и сам не понял, как все случилось.

Они очутились в какой-то темной общажной комнате, упали на скрипучую кровать, все происходило, как в чад.

Когда они наконец оторвались друг от друга, Игорек откинулся на спину и уставился в темный потолок, с трудом осознавая себя и то, что сейчас с ним произошло.

– Милый, милый, – шептала Даша, покрывая его лицо страстными поцелуями. – Мой, мой!

Она повернулась на бок, обняла, прижимаясь, схватила его руку, целовала жадно. Ее щеки были мокрыми от слез, она дышала прерывисто, всхлипывала. Ему стало жаль ее, жаль себя. Он неловко погладил ее по голове, ткнулся губами в мокрую щеку:

– Ну, хватит, хватит плакать, пожалуйста...

Он не выносил женских слез.

Она обещала, даже попыталась смеяться, но смех перешел в истерику, и ему снова пришлось ее успокаивать.

С большим трудом он освободился из ее объятий, что-то обещал, торопливо одеваясь. Пряча глаза, выскочил из комнаты и позорно бежал, оставив ее одну.

Всю дорогу Игорь пытался привести мысли в порядок, успокоиться и перестать думать о случившемся. В сущности, ничего страшного не произошло. Ну, было и было... Со всяким может случиться. Что он, один такой, что ли...

Кое-как убедив себя, он решил забыть эту историю начисто.

*Мудрый человек сказал: или ты идешь в лес, или ты идешь с женщиной,
но уже все равно куда.*

3. Как возникает длительная связь

И он действительно забыл. Сначала переживал – вдруг жена узнает, а уж ей-то он точно не хотел сделать больно. Но все как-то утряслось. Было много работы, потом переезд на новую квартиру... обычная суета.

В институте не появлялся. Во-первых, что ему там делать? Пятый курс, народ ставил дипломные спектакли, а ему вроде как и незачем, да и надоело. А во-вторых, не хотел встречаться с Дашей.

Она позвонила один раз, еще осенью, спросила, как он, куда пропал. Игорь вежливо отговорился занятостью.

После ее звонка почувствовал неловкость, даже стыд. Был порыв извиниться перед Дашей, он даже письмо ей написал, но не отправил, засомневался, а надо ли?

Потом звонили ребята с курса, приглашали на свои спектакли. Иногда он ездил, но вместе с женой. Дашу видел мельком, она ни разу не подошла, маячила вдалеке.

Он никогда не понимал, зачем Даша поступила в театральный вуз. Она стабильно получала «отлично» по всем предметам, но при этом ни как актриса, ни как режиссер ничего собой не представляла. За все пять лет ни одной серьезной работы. То есть в этом они были похожи. Все ее сокурсники так или иначе связывали свою жизнь с театром, большинство работали в провинции действующими режиссерами, вели студии, подвизались в народных театрах, занимались с детьми. Их выбор был понятен. Но она?

Хотя какое ему дело?

Он пожимал плечами и снова переставал думать о Даше.

Игорь уже уверенно поднимался по карьерной лестнице, о своем увлечении театром вспоминал с иронией. «Мне бы еще в балет пойти», – говорил он друзьям.

Изредка интересовался успехами своих бывших сокурсников, а встречался редко, только когда ездил в гости к мастеру. Тот много болел, жил одиноко, поэтому его часто навещали ученики.

В один из приездов Игоря мастер посоветовал ему сходить на премьеру спектакля, поставленного его бывшим студентом. Игорь особо не хотел, во-первых, пьеса ему не нравилась, а во-вторых, театр находился в Подмоскovie; долго добираться, чтоб посмотреть участников художественной самодеятельности? Увольте!

Да еще, как назло, машина была в ремонте, а безлошадному – тащиться за сто верст киселя хлебать, такое счастье Игорю вовсе не улыбалось. Посоветовался с женой, она ехать отказалась, сославшись на занятость, да и ему не советовала. Он бы и не поехал, но накануне позвонил мастер и напомнил о спектакле.

После работы, чертыхаясь, Игорь отправился на вокзал, тряся полтора часа в электричке, потом искал этот самый театр, на поверку оказавшийся заунывным клубом. Игорь почему-то был уверен, что не встретит никого из своих знакомых, но, на его удивление, явились почти все сокурсники. И среди них была Даша. Они поздоровались сдержанно, не сказав друг другу и двух слов. Но он снова заметил тот самый собачий взгляд, поспешно отошел в сторону, занял место подальше от нее.

Спектакль, как Игорь и предполагал, вышел дрянным. Он успел тысячу раз пожалеть о зря потраченном времени. Его раздражали восторженные разговоры вокруг, ахи и незаслуженная похвала. Неуместные восторги, вся эта театральщина, которой он не любил.

Но что делать, режиссер был хорошим парнем, страшно переживал за свое творение, актеры нервничали, публика – все свои, старались подбодрить, хлопали неистово, кричали «браво», вызывали неоднократно. Естественно, после премьеры, как водится, все остались на банкет, чествовали режиссера, тот был вне себя, бледнел, краснел, пил одну рюмку за другой,

жал всем руки, благодарил. Игорь включился в общий хор, похвалил за смелость, мол, такая сложная пьеса – и такое неожиданное решение...

Ну, выпил, настроение немного улучшилось, поговорил с мужиками «за жизнь». Выяснил, что назад поедет не один, а в большой компании. Даже развеселился.

Дашка подошла тихо, тронула за руку, улыбнулась заискивающе:

– Я так рада тебя видеть...

– Отлично выглядишь! – он отвесил дежурный комплимент и хотел ретироваться, но Даша удержала.

– Хоть расскажи, как ты? – робко спросила она.

– Да все нормально, работаю в пиаре, пока нравится.

– Ах, как это замечательно! – почему-то восхитилась Даша. Ее похвала польстила Игорю, он и сам себе нравился, если честно. Захотелось похвастаться. Он начал рассказывать о себе, увлекся, смеялся, размахивал руками, приплел, конечно, как без этого? А она слушала, восторженно глядя на него.

– Я видела тебя по телевизору, – выдала она.

Он даже крикнул от неожиданности. Да, его как-то пригласили на передачу...

– Ты так телегеничен! И дикция у тебя прекрасная!

– Хм, спасибо, – не без удовольствия поблагодарил он, – а ты сама-то как? – спохватился Игорь.

Она опустила глаза:

– Ну, я решила заняться филологией, вот сейчас учусь в университете, тем более это у меня вторая «вышка», так что всего три года...

– Театр, значит, забросила? – уточнил Игорек.

– Какая из меня актриса, – вздохнула Даша, – да и режиссер тоже... Ты же знаешь.

Он ничего не сказал, кивнул многозначительно, соглашаясь.

На станцию пошли все вместе, толпой, Даша семенила рядом, счастливая, держала его под руку и говорила, говорила...

– Что же ты никогда не зайдешь в гости? – спросила она.

– Да как-то не складывается...

– А ты заходи, посидим, поболтаем.

– Как-нибудь, – пообещал он, – непременно.

Даша не удовлетворилась таким ответом. Достала блокнотик, записала адрес, телефон и даже схему проезда нарисовала.

– Я так скучаю, – и снова ее щенячий взгляд.

Он смутился, оглянулся воровато, но никто не обращал на них внимания, народ веселился, шумел, говорил.

В электричке Даша сидела, тесно прижавшись к нему боком, от нее исходило тепло, пахло какими-то духами, маленькая ручка лежала на его руке, прядка волос, выбившаяся из тугой прически, щекотала его щеку. Он разволновался, вспомнилась та единственная ночь, когда он был с ней. И хотя воспоминание было смутным, волнение не покидало, сладко замерло внизу живота, Игорь почувствовал желание. Скосил глаза, заметил, как порозовели Дашины обычно бледные щеки. Вздохнул и не отстранился.

Он поехал провожать ее до дома. У подъезда девушка поднялась на цыпочки и робко потянулась к нему губами. Он склонился и поцеловал ее, волнуясь все сильнее.

– Никого нет, – быстро шепнула она, – зайди, хоть на минуту!

И он пошел за ней, как привязанный.

И снова были быстрые объятия и ее всхлипывающий шепот в темноте, и постыдное бегство, едва объятия разомкнулись.

Пришлось брать такси, на метро Игорь уже не успевал. Ехал домой опустошенный, встревоженный, не ругал себя, не уговаривал, хотя чувствовал себя последней скотиной.

Дома было еще хуже. Он не мог смотреть жене в глаза. Она тоже пришла поздно, уставшая, спросила о спектакле. Он ухватился за этот вопрос, принялся ругать и спектакль, и режиссера, и труппу. Все, что угодно, только бы жена не обратила внимания на его состояние.

Не обратила. Пронесло.

Несколько дней Игорь приходил в себя, спрашивал: почему? Даша никогда не нравилась ему. Маленькая, бледная, личико простенькое, нос слишком длинный, волосы вечно собраны на затылке, коротконогая. Одевается, как старушка: бабские юбки, плащ с поясом, туфли на низком каблучке... Причем она называет все это ретростилем. Глупо, ей 27, когда-то занималась танцами, тело у нее стройное, тренированное, талия тонкая, правда, зад тяжеловат, ну так что же, женщины умеют как-то превращать недостатки в достоинства. Пару раз он видел ее в джинсах, что ужасно не шло ей, и она, видимо, знала об этом, поэтому носила брюки редко.

Он не смог бы объяснить себе, что чувствует к Даше как к женщине. Да и нечего было объяснять. Помнилось томление и напряжение, прикосновение плоского упругого живота, податливость бедер, торопливость, мокрые щеки, всхлипы, освобождение и стыд...

И все же, все же временами в нем пробуждалась нежность к ней, она рождалась из жалости, он понимал это и запрещал себе думать о ней.

Они снова долго не виделись и встретились только на похоронах мастера. На кладбище собралось столько народа, что старушки-завсегдатаи то и дело спрашивали, кого это такого важного хоронят.

Игорь не взял с собой жену, впервые даже не предложил, хотя она очень переживала, он видел, ведь Вера хорошо знала мастера. Но не позвал. Посчитал – незачем. Там будут только свои: родственники, ученики, коллеги.

Даша приехала, была в черном, плакала, показалась ему особенно трогательной и даже красивой. Они долго говорили после похорон, пожалуй, впервые, просто как друзья, как очень близкие люди.

Расстались хорошо, он обещал позвонить. И действительно, стал изредка ей звонить. В основном когда был на работе. Рассказывал о том, что делает, куда ездил, из-за чего ругался с начальством. Она слушала, давала советы, которые смешили его, но было приятно, потому что она волновалась за него. Он писал ей длинные письма, иногда романтические, иногда просто дружеские.

Эта переписка особенно привлекала Игоря, она превратилась в его маленькую тайну. И тайну приятную. Даша все время предлагала встретиться, ее просьбы были робкими, но настойчивыми. Он отнекивался, ссылаясь на занятость. Она обижалась, но потом звонила первая или присылала милые эсэмэски.

Игорь сохранял ее письма, завел у себя в компьютере специальную папку.

В начале марта они встретились. Получилось как-то само собой. У него – обеденный перерыв, а она случайно оказалась неподалеку. Гуляли по городу, смеялись, она читала ему стихи, потом целовались в подворотне. И такое его охватило восторженное состояние, он почувствовал себя подростком, школьником, сбежавшим с уроков. Жизнь как будто заново началась. Дашка из серенькой женщины превратилась в юную девочку, тоненькую, страстно влюбленную, милую.

Их встречи, такие волнующие, полные весенней влюбленности и, казалось, какого-то высшего смысла, участились.

Он все чаще стал забегать к ней домой, волновался, как мальчишка. Однажды их застала ее мать, некстати вернувшаяся с работы. Даша представила Игоря. Мать не удивилась. Как будто давно о нем знала. Это знакомство слегка отрезвило его, остудило, он взглянул на себя со стороны и опомнился. Попытался притормозить, но Даша не отпускала. Ее звонки и просьбы

о встречах участились. Бывало, что трубку брала жена, Даша, не стесняясь, просила, чтоб она позвала Игоря. И Вера приносила ему трубку. Игорь раздражался, грубил Дашке, а потом оправдывался перед женой:

– Достала она меня! Влюбилась девка, пристаёт, не знаю куда деваться!

Жена посмеивалась, советовала не грубить, а поговорить нормально. Он морщился, сознавая себя последним дерьмом, и... продолжал врать обеим.

На Дашкин день рождения Игорек купил огромный букет нарциссов, хотя терпеть не мог эти цветы, но Дашка просила именно нарциссы.

Она умела быть настойчивой и даже бесцеремонной.

– Почему ты не поздравил мою маму с днем рождения? – голосом сварливой жены спросила Даша однажды. Игоря задел этот тон, как будто она уже считала его своим, принадлежавшим ей, тянула в семью, требовала, чтоб он общался с ее родителями. Он тогда нагрубил ей. Даша испугалась, отступила, пыталась смягчить свое требование, просила прощения.

– Зачем я тебе? – спрашивал он. – Ты просто зря тратишь на меня свое время.

– Так надо, – отвечала она упрямо.

Он уходил, не отвечал на ее звонки, старался сделать так, чтоб отношения сами по себе сошли на нет. В глубине души он надеялся на то, что у нее кто-нибудь появится и все рассосется само собой.

Проходил месяц, два, она звонила, рыдала в трубку, он срывался и ехал. Сколько раз ругал себя последними словами за эту слабость!

Прогулки прекратились, теперь они встречались у нее дома, после бурной истерики Даша тянула его в постель, и снова мучительные объятия, слезы, признания...

– Скажи, ты меня любишь? Любишь?

Игорь уходил от ответа или, чтоб успокоить ее, говорил «люблю». Ведь слова ничего не значат, во всяком случае, для него они уже ничего не значили. Он все сильнее запутывался в своих отношениях, снова пытался прекратить эту связь, тяготившую его, но Дашка не отпускала. Более того, она начала закатывать истерики, спрашивала, когда же он наконец уйдет от жены, называла его трусом.

В какой-то момент он и сам хотел уйти, от обеих. Дома было неладно. Игорь почти перестал разговаривать с женой, казалось, их уже ничего не связывало. Только спали по-прежнему вместе. Он все время раздражался, ему казалось, это жена виновата в том, что у них происходит. И в то же время он постоянно испытывал чувство вины, от которого хотелось избавиться во что бы то ни стало.

Однажды он имел неосторожность признаться Дашке в своем желании пожить пока у друга. Та тут же вцепилась в эту идею и подняла такой скандал, что Игорь не выдержал, пообещал поговорить с женой и переехать.

Но когда он пришел домой и увидел жену, его решимость улетучилась. Игорек представил себе, какая жизнь его ждет. Он любил жену, эта любовь давно вошла в привычку, поэтому он не замечал и не понимал ее, но когда пришлось решать, с кем остаться, Игорь испугался.

Жить в чужой квартире с женщиной, которую он никогда не любил, которую ласкал из жалости, терпеть бесконечные истерики, и все это ради чего? Свободы он не получит, просто еще туже затянет петлю на шее.

В тот вечер он так и не сказал ничего жене. Она сама спросила:

– У тебя есть другая женщина?

– С чего ты взяла?! – пролепетал Игорь.

– Я знаю...

– Перестань, пожалуйста!

Они уже собирались ложиться в постель, когда произошел этот разговор. Жена молча поднялась и ушла на кухню, он побежал за ней, обнял, клялся в любви, убеждал, доказывал... Одним словом, все закончилось банальным сексом.

На следующий день Игорь был вынужден вынести еще один скандал. Дашка кричала, что он трус и тряпка, и чтоб он оставил ее в покое, что он неудачник, подкаблучник, и она больше не желает иметь с ним ничего общего. Он стерпел. Пусть выговорится, ей станет легче, и у него будет повод уйти и прекратить затянувшиеся отношения.

Она убежала, не позволив ему даже проводить ее до метро.

Сначала он обрадовался. Но постепенно Дашкино место заполнила щемящая пустота. Игорь не жалел, что не ушел из дома, нет, он жалел о том, что вот, все кончилось и ничего не осталось от прежней влюбленности, только несколько десятков писем.

Даже депрессия началась. Пару месяцев Игорь занимался самокопанием, жалел себя, перечитывал Дашкины письма, поневоле сравнивал ее с женой, злился на себя, думал, что зря обидел хорошего человека – Дашку. Надо было как-то по-другому разойтись, мирно, остаться друзьями, что ли...

И он позвонил.

Она почти сразу ответила, дрожал напряженный голос, того и гляди снова заплачет. Он сразу пожалел об этом звонке, смешался, не знал, что говорить, плел какую-то ничего не значащую чепуху. Она перебила, сказала, что не может его забыть, что ей делали предложение дважды, нет, трижды, но она всем отказала. Игорь как-то вывернулся из ее словотока и прервал разговор.

И снова было жаль чего-то, то ли себя, то ли эту женщину, зачем-то любившую его.

От нее пришло письмо: страстное, болезненное, полное воспоминаний и горечи. Он не удержался и ответил. Снова завязалась переписка, он старался быть сдержанным, старался не переступить опасную грань. Она, кажется, тоже пыталась соответствовать и писала в каких-то странных полутонах, то иронизируя, то намекая...

Он знал, что может вернуть ее в любой момент, ее привязанность и пугала, и льстила одновременно. Какое-то время Игорь удерживал себя, но с наступлением теплых дней сорвался и поехал к Даше на дачу.

Ничего хорошего из этой поездки не вышло. К тому же у нее появились новые требования и новые вопросы: «А что, если у нас будет ребенок?» Он застыл, с трудом пришел в себя. «Значит, будем решать этот вопрос», – бодро пообещал он.

Как же он ругал себя после этой встречи! Последними словами! Насчет беременности Игорь не беспокоился, он всегда соблюдал осторожность, к тому же он был уверен, что и Даше ни к чему внебрачный ребенок. Ну, спросила, он и ответил, что еще?

В июне история повторилась. Дашка позвонила и потребовала, чтоб Игорь приехал. Она рыдала в трубку и кричала, что жить без него не может. Он испугался, поехал, хотел как-то ее уговорить. Но вместо разговора Дашка затащила его в постель, была особенно страстной, долго не отпускала. Он с трудом вырвался, сославшись на срочные дела. По дороге дал себе слово, что больше никогда и ни за что!

Они не виделись до конца лета. А в начале сентября Дашка снова его поймала, потребовала встречи и серьезного разговора. Игорь и сам не знал, почему согласился встретиться. Наверное, потому, что как раз был дома один, жена в командировке, сын у деда с бабушкой.

Он ехал бездумно, надеясь на то, что им наконец-то удастся просто поговорить и прекратить затянувшиеся мучительные отношения. Возможно, будет дружеский секс на прощание, что-то такое спокойное и ни к чему не обязывающее.

Дашка встретила его на пороге дачи и сразу же потащила к кровати. Не слушая, срывала одежду с него и с себя, торопилась, нервничала, набросилась с жадностью. Он подчинился, хотя снова пожалел о том, что не отказался от встречи.

Когда они оба лежали без сил, измотав друг друга, Дашка спросила:

– Ты уйдешь от жены?

Игорь мысленно застонал, прикрыв глаза, снова та же песня!

– Даш, мы же уже давно все решили, – мягко напомнил он.

– Мы?! – взревела Дашка, срываясь с кровати. Разъяренной фурией металась она по комнате и швыряла в него одежду, которую совсем недавно сама же срывала.

– Убирайся! – визжала она. – Пошел в жопу!

Он спокойно оделся и уехал, не сказав ей ни слова.

Как ни странно, с этого дня Игорь совершенно охладел к Дашке, воспоминания о ней больше не тревожили, да и сама она не звонила, не писала, только пару раз приходили эсэмэски: «Как дела?» Он не ответил.

Поздней осенью они случайно столкнулись в метро. Дашка кривила губы, вела себя высокомерно, цедила слова. Ему было неприятно разговаривать с ней, и вообще она стала ему неприятна.

Зимой он и вовсе забыл о ее существовании.

Во-первых, его пригласили на должность начальника отдела в весьма престижную компанию, во-вторых, жена попала в больницу, что-то с нервами, она вообще в последнее время жаловалась на головные боли, в-третьих... да мало ли дел у взрослого семейного человека!

К Новому году он уже перешел на новую работу. Праздники провел с семьей и друзьями. С женой все более или менее наладилось.

Одним словом, Игорек был доволен.

Это случилось в начале марта.

Позвонила Даша и сообщила о том, что беременна. В первый момент он не понял ее, растерялся, подумал: решила разыграть.

– Что же ты молчишь? – осторожно спросила она.

– А что я должен говорить?

– Ну, ведь это твой ребенок...

– Даш, ты шутишь?

– Нет, не шучу, по срокам все сходится.

– Но я-то тут при чем?

– У меня никого, кроме тебя, не было.

И вот тогда его накрыло. Его охватил ужас. Игорь вдруг представил себе, как рушится вся его жизнь, прямо сейчас, сию минуту. Он стоял, как громом пораженный, едва удерживая телефон в трясущейся руке.

– Почему же ты раньше не сказала? – пересохшими губами спросил он.

– Разве это что-то изменило бы?

– Чего ты хочешь?

– Мне нужны деньги.

– Хорошо, – выдавил он.

Ее голос мгновенно изменился, потеплел.

– Правда? – залепетала она. – Помнишь, ты же обещал, я поверила тебе... У меня отрицательный резус, надо ложиться на обследование, а это стоит денег, я подумала...

– Да-да, я же сказал, хорошо, – перебил ее он. Спросил: сколько. Она назвала довольно внушительную сумму, таких денег у него не было, он же не мог взять их из семейного бюджета. Значит, надо где-то достать.

И он достал.

Потом пришлось ехать к Даше домой. Она распахнула дверь, а он не узнал ее, удивился: перед ним стояла незнакомая беременная женщина, низенькая, с выпирающим животом, бесцветная какая-то... И только взгляд, взгляд остался прежним, щенячьим.

Он протянул ей деньги. Она засмушалась:

– Нехорошо через порог, может, зайдешь?

– Нет, спасибо...

– Да, кстати, – обронила она, – тебе надо будет поехать со мной в медцентр для заполнения анкет, нужны данные об отце ребенка.

– Даш, ты уверена, что... – начал он.

– Да! – выкрикнула она. – Неужели ты думаешь, что такими вещами шутят! Я хранила этого ребенка, как драгоценность, потому что он – от тебя!

Он поморщился, не любил театральщины.

– Я готовилась, соблюдала диету и режим, – скороговоркой бормотала она. Игорь пропустил ее слова мимо ушей, пообещал поехать с ней, куда она скажет, и ушел.

Впервые в жизни у него поднялось давление. Он перепугал жену,пил какие-то лекарства, которые она совала ему, и ничего не мог сказать. Думал, если Вера узнает, то это ее убьет. Все то время, пока он жил между Дашкой и семьей, превратилось в сплошной кошмар. Он чувствовал себя, как в чаду. Делал то, что от него требовали, механически передвигался по городу и абсолютно забросил работу. В голове у него не укладывалась ни Дашка, ни эта беременность, и в то же время он безропотно отвечал на вопросы врачей о себе, болезнях в его семье... «Ведь не может же она врать настолько? – думал Игорек. – Если я не отец ребенка, то для чего Даша устроила весь этот цирк?» Он сомневался, он сломал себе голову, но подчинялся требованиям Дашки безропотно. У него было только одно условие: «Вера ничего не должна знать!» И Дашка, недовольно поджав губы, согласилась.

Беспечного секса не бывает.

4. Откуда берутся дети

В апреле Игорь вдрызг разругался с руководством компании, хлопнул дверью и ушел с работы. Нервы не выдержали. Жена успокаивала: «Ничего, найдешь другое место». Он был благодарен ей и стыдился себя. И в то же время Игорек понимал, что малодушничает, что Дашкина беременность – это расплата за его многолетнюю ложь. Что ребенок, чей бы он ни был, не виноват, а значит, надо сжать зубы и терпеть.

Как-то встретил бывшую сослуживицу, разговорились, она, видимо, заметив, в каком он состоянии, спросила:

– Игорь, что-то на тебе лица нет. Ты вообще как?

И он не выдержал, рассказал ей все. Знал, что она никак не связана с его женой, так что у него не имелось причин опасаться утечки информации. К тому же коллега была женщиной вполне разумной.

– Что делать? Ума не приложу!

– Да ты что? Ума лишился, что ли? – спокойно ответила она. – Нашел из-за чего переживать! Имей в виду, баба хотела родить и родит, это ее проблема. Ты и так слишком много для нее сделал. Не девочку обрюхатил, в конце концов, ей уже тридцать! Тебя, дурака, использовали, как банк спермы, а ты на стенку лезешь, в благородство играешь! Да и неизвестно еще, чей это ребенок. Так что пусть спасибо тебе скажет. Может, у нее другого дитя вообще не будет. Расслабься!

Он поблагодарил. Немного полегчало. По крайней мере, Игорь теперь знал, как себя вести дальше.

Позвонила Дашкина мать, слезливо залопотала:

– Ах, Игорь, Даша так давно вас любит! Неужели вы на ней не женитесь?

Он с трудом сдержался, чтоб не нагрубить, процедил:

– Это наши с Дашей проблемы, и мы сами в них разберемся.

Врачи поставили срок – конец мая. Больше всего Игорь боялся, что Дашка позвонит ночью и ему придется срываться и ехать. Тогда жена все узнала бы.

И еще нужны были деньги. Ведь Дашка собиралась рожать в «самом лучшем центре». Он не решился отказать ей, опасался скандала, да и за ребенка беспокоился. Появились долги.

Схватки начались на неделю раньше срока.

Игорю повезло. Жена была в отъезде.

Дашка позвонила утром, Игорь сорвался, успел еще до пробок.

Воды отошли, когда он вез ее к роддому.

В тот же день она и родила.

Если женщина что-то для себя решила, она непременно добьется этого.

5. Шантаж

– Меня выписывают, – сообщила Дашка, – приезжай и захвати с собой фотоаппарат, пожалуйста.

Он приехал, медперсонал встретил его, как счастливого папашу. Дашкина мама открыто лебезила. Дашка вела себя со спокойным достоинством. Игорьку показали дочь – крохотное тельце в пеленках. Он мучительно всматривался в красненькое личико, силясь найти в нем сходство с собой, и не находил. Ему было так страшно взять этот сверток в руки, но он перешагнул через свой страх, взял. Дашка сразу же попросила, чтоб он сфотографировал ее с дочерью. И он фотографировал. Дашкина мать улыбалась и заискивала, Дашка продемонстрировала налитую молоком грудь и покормила ребенка. Он все еще снимал, автоматически нажимая на кнопку.

Потом их снимали вместе. Он попытался улыбнуться, но получилось плохо, судорогой свело губы.

Наконец попытка закончилась, Игорь отвез счастливое семейство домой. Там и состоялся очень важный разговор. Даша заперлась с ним в комнате, сунула ребенка в руки и спросила:

– У нас с тобой теперь будет что-нибудь?

Он хорошо изучил ее за время знакомства. И знал, Даша долго готовилась к этому разговору. Она рассчитывала на Игоря. Она снова смотрела тем самым щенячьим взглядом. А он испытывал только одно желание – поскорее убраться отсюда.

Он неловко передал ей сверток с младенцем и ответил, отведя взгляд:

– Даш, ты же сама прекратила наши отношения...

Она вспыхнула, прижала к себе ребенка:

– Я думала, что ты меня простил!

– Я тебя простил, но больше у нас ничего не будет, – отрезал он.

Она немного поплакала, а потом, гордо вздернув крошечный подбородок, изрекла:

– Мне ничего не нужно от тебя! Только признай ребенка! У нашей дочери должен быть отец!

– Хорошо, я подумаю над этим, – он поднялся, собираясь уходить.

– Ты скажешь жене? – бросила она ему в спину.

– Нет!

В прихожей к нему подошел Дашкин отец, как обычно, выпивши, и завел долгую речь о том, какая теперь на Игоре лежит ответственность. Игорь не выдержал и резко его оборвал. Выскочила Даша.

– Прошу тебя, не вмешивайся! – набросилась она на отца, тот поспешно ретировался.

– Когда приедешь? – спросила холодно.

– Когда скажешь...

Никогда еще Игорь не чувствовал себя так отвратительно.

Приехать пришлось скоро. Дашка потащила его получать свидетельство о рождении ребенка.

В свидетельство вписали его фамилию...

– Ты с ума сошла! – попытался урезонить Дашу Игорь. – У ребенка будет другая фамилия, а у тебя куча проблем!

Но она заявила:

– Нет, я так решила!

Игорь пожал плечами и не решился больше перечить. Дашка неотступно требовала, чтоб он признал отцовство и рассказал жене о ребенке. Он отмолчался, пообещал что-то неопределенное.

Он был напуган. Страшно. И ее решительностью, и возросшими требованиями, постоянными звонками, от которых он дергался, а жена посматривала с подозрением. Дашка могла позвонить неожиданно, и надо было срываться и ехать. За лето Игорек так измотался, что уже белого света не видел.

Начал пить, появились мысли о самоубийстве. Он стал невнимательным, угробил чужую машину... Все это требовало денег. Постоянного рабочего места он так и не нашел, да и некогда ему было этим заниматься. Мотался туда-сюда и потихоньку сходил с ума.

Дома было совсем плохо, он не мог заниматься с женой любовью. Вера ничего не требовала, но была напряжена, утешала его, наверное, думала, что он переживает из-за работы. А Игорь жил из последних сил, иногда удивлялся тому, что наступило утро, а он все еще жив...

Если женщина любит, то она закрывает глаза на многое. Не потому что не видит, а просто не хочет видеть. Женщинам вообще свойственно выдумывать мужчин.

Сергей

6. На рассвете

Игорь все еще бормотал что-то. Отец Николай вообще заснул за столом, и я отвел его в комнату. В окно смотрел восход. Не заметили, как ночь прошла.

Меня тоже рубило. Мы выпили все запасы спиртного. Теперь день насмарку.

Я с трудом уговорил Игоря немного поспать, а он все рвался куда-то ехать.

Уложил все-таки.

Проспали мы часа четыре. Потом Игорь вскочил, смущенно прятал глаза, бормотал извинения... Я затолкал его в душ, напоил кофе и взял с него обещание не пропадать и позвонить, как доберется до дома.

Он неловко простился, поблагодарил и ушел. Я поплелся на кухню, кое-как убрал со стола, голова плохо соображала. Почему-то вспомнились слова, сказанные одним моим приятелем: «Все наши неприятности мы носим на кончике члена...»

С Игорем меня познакомил отец Николай. Было это давным-давно, на заре туманной юности. В свое время Игорь вместе с отцом Николаем, тогда еще просто Колей, поступал в консерваторию, там они и подружились, только Коля поступил, а Игорь – нет. Чтоб не терять время, Игорек подал документы в политех и там же познакомился со своей будущей женой Верой. Насколько мне известно, жену он любил, и мало того, что любил, он ее уважал.

Родили пацана. Их вполне можно было назвать счастливой семьей. Да все так и считали. Хотя до меня доходили смутные слухи о том, что Игорек погуливает. Но кто без греха...

Я тоже ходил на тренинги к его мастеру. С некоторыми ребятами у меня сохранились хорошие отношения. И Дашку я довольно хорошо знаю. Маленькая такая, беленькая, голосок тонкий, говорит, растягивая слова, легко краснеет. Тихая, незаметная. За ней ухаживал парень с их же курса, говорят, влюблен был, замуж звал. Не пошла. А парень неплохой. Спрашивается, почему она отвергла его и повелась на женатого Игоря? Возможно, все не так, как я себе представляю? Или Игорь что-то от меня скрыл? Или пресловутое женское сердце, которому не прикажешь?

Вот пойми после этого женщин.

Пока я рассуждал так и пытался привести кухню в относительный порядок, проснулся батюшка и попросил отвезти его домой.

– Дел по горло, – признался он.

– Ну да, – согласился я, – да еще и духовные чада требуют постоянного внимания.

– Что же делать, – вздохнул батюшка, – слаб человек... часто не ведаем, что творим...

Я кивнул, соглашаясь, задумался: а так ли уж часто не ведаем?

– Ты вот что, – попросил отец Николай, – если будут какие-то проблемы, держи меня в курсе. Ну и вообще присматривай за Игорем. Нельзя ему одному сейчас. Запутался человек.

– Я понимаю, конечно!

И тут меня посетила одна идея:

– Слушай, отче, а у тебя отпуск-то вообще будет?

Батюшка пожал плечами:

– Хотелось бы... Только это не от меня зависит, сам понимаешь, служба, – он развел руками.

– Я вот что подумал, – стал объяснять я, – мои сейчас на турбазе, место там шикарное – природа, горы, море, в общем, потрясающее место. И директор турбазы – мой хороший знако-

мый. Я через недельку, как закончу с делами, туда собираюсь. Что, если и тебе с семейством выбраться?

– Дело хорошее, – подумав, ответил батюшка, – говоришь, через недельку?

– Ну да...

– Надо подумать. Может, удастся вырваться на несколько дней, хоть своих к морю отвезти, а то я, честно говоря, семью почти не вижу.

Я воодушевился:

– Слушай, я тут позвонил нашим, возможно, кто-нибудь еще подъедет. Соберется хорошая компания, посидим у костерка, поговорим. Ночью там красота! Небо звездное, море, опять же, и людей – никого.

– Заманчиво, – улыбнулся батюшка, – ну, поглядим, если получится, я с удовольствием!

– Вот, кстати, можно Игоря позвать, – предложил я, – вместе с семейством, пусть мозги проветрит.

– А вот это очень правильная мысль! – заметил отец Николай.

Поговоривши, отвез я батюшку в его благочиние, вернулся домой вечером, упал и уснул без задних ног.

Каюсь, несколько дней упорно работал, наверстывал упущенное. Звонила жена, нервничала, спрашивала, когда я приеду. В общем, не до Игоря мне было.

Через неделю я укатил к морю...

Почему-то вспомнились слова, сказанные одним моим приятелем: «Все наши неприятности мы носим на кончике члена...»

Игорь

7. Отдушина

Игорь вышел из подъезда; в голове еще звенело от выпитого и бессонной ночи. Надо было, конечно, ехать домой. Но дома никого не было: Вера с сыном у родителей.

Игорь достал телефон и позвонил Вике...

Они познакомились год назад в командировке, как раз в то время, когда родился Дашкин ребенок...

Игорь как представитель заказчика был организатором презентации для журналистов по поводу открытия новой гостиницы.

А Вика работала в туристической фирме и тоже в PR-отделе. Они как-то очень быстро нашли общий язык.

Во всяком случае, Игорю было с ней легко. Она чуть-чуть кокетничала, он заметил, нет, ничего серьезного, обычные отношения коллег по работе, немного флирта. Это все, что Игорь себе позволил.

Вика немного отвлекла его от проблем, он как бы чуть отстранился от них, выдохнул. И уже за одно это был ей благодарен.

Обменялись телефонами. Он не ждал звонка. Но Вика позвонила.

Изредка встречались в кафе, болтали о том о сем.

А потом Игорь утопил чужую машину.

Дело было так: его машина находилась в ремонте, один из приятелей одолжил свою. На этой машине Игорь и поехал к друзьям на дачу.

Были одни мужики и много водки. Игорь долго пил, не пьянея, хотелось отогнать усталость и с каждым днем усиливающееся чувство вины.

Дашка позвонила поздно вечером и устроила истерику, потребовала, чтоб он немедленно приехал, потому что девочка заболела.

Он встал, не сказав друзьям ни слова, вышел, сел в чужую машину и погнал в город.

Моста он просто не заметил. Свалился в реку, и только когда машина стала тонуть, его словно что-то подтолкнуло, Игорь пришел в себя. Повезло, он смог открыть дверь и выбраться. Хотя все то, что происходило с ним тогда, он помнил очень смутно. Как вынырнул, как добрался до берега – все начисто стерлось из памяти.

Видимо, его падение в реку заметили с трассы, потому что остановились несколько автомобилей, ему помогли вызвать гаишников и «Скорую».

Права, конечно, отобрали, их пришлось долго и нудно выкупать. Машину удалось поднять из реки, но она не подлежала восстановлению. Долги росли, как снежный ком, а заработков – кот наплакал.

Игорь был вынужден признаться в них жене. Рассказал об аварии, скрыв только то, что был пьян. Вера не упрекала, от этого было еще хуже. Он продал свой автомобиль, чтоб частично раздать долги. И впервые отказал Дашке в помощи. Она недовольно поджала губы:

– Я все понимаю, конечно... Но раз не можешь давать деньги, так хоть приезжай чаще. Ребенку нужно эмоциональное общение с отцом.

Он не понимал, что значит – «эмоциональное общение». Его посещения выглядели всегда одинаково. Даша совала ему дочку и выходила из комнаты. А он мучительно всматривался в личико девочки и пытался найти в нем сходство с собой. Не находил. Ребенок начинал кричать, Игорь пугался, звал Дашу и убегал. Его заставляли ходить в детскую поликлинику, собирать какие-то бумаги и справки, узнавать о времени приема нужных врачей, способах закали-

вания младенцев и прочее, и прочее. Он и не подозревал раньше о том, что ребенок – это так сложно. Нет, конечно, его сын тоже болел, требовал внимания, рос, ходил в детский сад и школу. Но Игорек не помнил никакого надрыва, все происходило как-то естественно, вроде бы само собой. Или Вера как-то по-другому справлялась с этими проблемами?

Однажды он не выдержал и рассказал обо всем Вике. Как-то так вышло. Был страшно измотан, не выдержал. Нет, он не ждал от нее сочувствия или жалости, просто требовалось выговориться.

О, как же внимательно она его выслушала!

В тот вечер они долго сидели в кафе, он опомнился, взглянул на часы, заторопился домой.

– Я тебя подброшу до метро, – предложила Вика.

Город, как обычно, стоял в пробке.

Игорь пошутил, что, мол, пешком было бы быстрее. Вика нервно курила, вдруг, вышвырнув окурок в окно, резко повернулась к спутнику и, обхватив за шею, притянула к себе, впившись в его губы долгим поцелуем.

Домой он не поехал.

Точнее, поехал, но гораздо позже.

А так ли уж часто мы не ведаем, что творим?

8. Список требований

Началась весна.

Игорь стал частым гостем в маленькой квартирке недалеко от Измайловского парка. Он убегал из дома под предлогом поисков работы. Он проводил у Вики долгие вечера, срывался по первому звонку в выходные дни. Вера не препятствовала. Он как-то ухитрился маневрировать между семьей, Дашкой и Викой. Даже начал гордиться собой. Если бы не долги и отсутствие работы, Игорь был бы почти счастлив.

Вика оказалась человеком практичным и энергичным. У нее все было просто. Надоела работа – она ее сменила, сначала ушла из пиарщиков в рекламу, а потом в IT-технологии. И ему советовала:

– Смени профессию, что ты вцепился в этот пиар? Как будто нет ничего другого! И вообще, какая разница, где работать, лишь бы деньги платили.

Она постоянно ходила на какие-то бизнес-курсы и тренинги и его за собой тащила, Игорь отнекивался. Курсы денег стоили, а их-то как раз и не было.

В мае ему наконец удалось устроиться на работу. Приятель пригласил в свою компанию, не совсем то, чего Игорю хотелось, и с деньгами негусто, но все-таки стабильно. Он не отказался. Стало легче, и жена вздохнула свободнее.

Правда, теперь он был занят на работе и встречи с Викторией уже не могли быть такими частыми, как раньше.

Но Вика быстро нашла выход. В субботу вечером она звонила, говорила коротко:

– Я на остановке...

Игорь наскоро сочинял для жены повод и убегал.

Любовница ждала его неподалеку от дома. Он прыгал в ее машину, целовал. Ему нравились ее страстность, целеустремленность, уверенность в себе. Иногда Игорек даже комплексовал, чувствуя себя рядом с ней рохлей. Несколько раз давал себе слово начать бегать по утрам и убирать живот. Да все не получалось как-то...

– Зачем тебе все это надо? – удивлялась Вика, когда Игорь рассказывал ей о своих проблемах. – Брось к черту, начни жизнь сначала!

В постели она была потрясающей! Выгибалась, как кошка, царапала ему спину, кричала, кусалась, билась в оргазме. Ему все это льстило, вернулась уверенность в своей мужской силе, теперь жизнь его как бы снова наполнилась, он снова стал испытывать чувство радости, вернулись звуки и краски, хотелось жить, и Дашка уже не пугала и не раздражала так, как раньше.

Правда, дома жена несколько раз обращала внимание на его расцарапанную спину, но Игорь нашелся что ответить:

– Да ты что, какие бабы! – воскликнул он с деланным возмущением. – Я же только что в ванной был, тер спину и расцарапал.

Вера молча кивнула, соглашаясь.

Но напряжение возникло, он почувствовал. Как будто жена о чем-то догадывалась, но предпочитала молчать. Поэтому, когда она заговорила о том, что ей надо в отпуск и она поедет к родителям, он ухватился за эту идею. В конце июля он проводил Веру и, когда поезд тронулся, выдохнул с облегчением. Теперь в его распоряжении был почти месяц полной свободы. Ну, не свободы, конечно, но, во всяком случае, он мог спокойно решить кое-какие накопившиеся проблемы и не дергаться из-за жены.

Еще в мае Дашка поставила Игоря перед фактом:

– Хочу крестить дочь! Крестная мать у меня есть, а ты, пожалуйста, озаботься поиском крестного отца.

Сначала Игорек испугался. Дашка явно хотела придать огласке его отцовство. Она рассчитывала, что Игорь пригласит кого-то из близких друзей. Он и пригласил отца Николая...

Когда Игорь сообщил о своем выборе Дашке, она растерялась.

Кажется, даже засомневалась, начала отнекиваться, но Игорь не уступил.

А уж когда они с отцом Николаем приехали к Дашкиному дому, чтоб забрать Дашку с ребенком, ее подругу-крестную и мать, Игорь с удовольствием отметил, как у тех вытянулись лица при виде батюшки, восседающего на переднем сиденье.

В церкви женщины вели себя тихо. Стояли в сторонке, Дашка не приставала к Игорю со своими обычными требованиями. Батюшка же был благостен, только сказал Игорю:

– Это тебе теперь на всю жизнь, – вздохнул, и все.

Во время крестин девочка плакала. Игорь фотографировал. Все остальные были довольны.

После, как водится, пригласили отметить.

Отца Николая побаивались. Даже Дашкин отец не рискнул напиться. Батюшка встал, произнес короткий тост, поздравил, сказал, что надо молиться за ребенка. Посидели недолго. Но все это время Игорь впервые не чувствовал себя виноватым перед этой семьей, его как будто отпустило.

Потом он отвез отца Николая к Сергею...

Да, голова определенно побаливала. Он проспал часа четыре, не больше.

А Вика поспать не даст. От этой мысли Игорь невольно улыбнулся. Суббота, она должна быть дома. Он может спокойно остаться у нее на ночь и ни о чем не думать.

Дети – это навсегда, даже если они внебрачные.

9. Снежный ком

Вика тесно прижималась к нему, положив голову на плечо. Отдыхала. Он лежал на спине и улыбался.

– Знаешь, а ведь я тебя люблю, – вдруг сказала Вика.

Игорь вздрогнул. Опомнился, погладил ее по голове и промолчал.

– А ты? – спросила она, не дождавшись ответа.

– Что, милая? – он сделал вид, будто не понял.

– Как ты ко мне относишься? – любовница приподнялась на локте и пытливо взглянула ему в глаза.

– Очень хорошо отношусь, – он потянулся, чтоб поцеловать ее, но Вика отстранилась.

– Ты не ответил, – ее взгляд сделался холодным и острым.

Он сел, потянулся за трусами. Вика поймала его за руку.

– Со мной этот номер не пройдет, – сказала она, – ты что же, думаешь, я соглашусь на роль вечной любовницы?

– Нет, я ни о чем таком не думал, – Игорь встал и начал одеваться. Вика рассмеялась:

– Выходит, попользовался и в кусты?

Он уже натянул футболку и джинсы.

– Ну, зачем ты так? – спросил Игорь мягко. – Ты же знала, на что шла...

Она резко поднялась с кровати, набросила халат:

– Знала! Все это дешевая философия! А время уходит. Мое время! Мне тридцать, я хочу мужа, семью, детей. Как любая нормальная баба.

– Но я...

Она его перебила:

– Знаешь, у меня до тебя был мужчина, мы с ним прожили несколько лет, но когда я познакомилась с тобой, я его бросила, сразу! Это как взрыв, понимаешь? И я с первого дня знала, ты будешь моим. Все остальное – не в счет, сопли и романтический бред. Ты запутался в своих бабах, ты перестал быть нормальным мужиком. Я помогу тебе. У нас все будет хорошо, обещаю! Ну же! – она шагнула к нему, схватила за руки, притянула к себе: – Ответь, ты меня любишь?

– Вика! – он окончательно растерялся. – Ну зачем тебе все это?

– Тик-так, тик-так, – произнесла она в ответ. – Я хочу просыпаться каждое утро на твоём плече, готовить тебе завтрак, стирать носки, носить твоего ребенка. Это криминал?

– Я не знаю, – он помотал головой, – ты очень дорога мне, правда!

Вика отрицательно покачала головой.

– Нет! – остановил ее Игорь. – Ты послушай, нельзя же все решать вот так, с наскока.

– Только так и можно, – безжалостно ответила женщина.

У него снова заняло в висках, хотелось курить. Они переместились на кухню. Вика, громыхая посудой, наскоро приготовила яичницу, заварила зеленый чай. Игорь терпеть не мог зеленого чая, но пил, не ощущая вкуса.

Вика немного смягчилась.

– Я понимаю, тебе трудно, – сказала она, – но в этой ситуации лучше всего рвать со всеми и сразу. Я не требую от тебя немедленно жениться на мне, переезжай, проживем, присмотримся друг к другу.

Он кое-как проглотил последний кусок яичницы:

– Вика, я не могу, прости...

– Какой же ты! – с досадой бросила она. – За своих баб переживаешь? Да брось! Не пропадут!

– Нет, ты не понимаешь, – попытался оправдаться Игорь.

– И понимать не хочу! Если бы кто-нибудь попытался испортить мне жизнь, я бы просто избавилась от такого человека.

– В таком случае тебе надо избавиться от меня, – грустно усмехнулся он, – потому что я не человек, а одна большая проблема.

– Нравится себя жалеть? – заметила она. – Это глупо и бесперспективно.

– Господи, девочки, да что же вы во мне такого находите?! – воскликнул Игорь, схватившись за голову.

– Я уже сказала, я тебя люблю, – ее слова вошли в его мозг вбитыми гвоздями.

– Я, пожалуй, пойду, – он поднялся со стула, – спасибо за... ужин.

Вика смотрела на него, прищурившись, изучала несколько секунд:

– Куда тебе торопиться? Ты же один.

Он замялся, замешкался.

– Поздно, – она кивнула в окно, – оставайся... – и улыбнулась, – обещаю, я больше не буду сегодня поднимать эту тему. Видимо, не ко времени.

И он покорно остался.

Чего ни сделаешь ради качественного секса...

Сергей

10. Море

Ненавижу поезда.

Скоростные, европейские – еще туда-сюда, или «Сапсан», например. Но вообще предпочитаю самолеты. Дорого, зато быстро.

Мне удалось купить билет до Анапы, из аэропорта до места добирался на такси. Дальше от поселка по берегу семь километров. Можно на лодке, но я пошел пешком.

Семь километров безлюдного побережья, дикая красота: горы и море. А после города так просто наизнанку всего выворачивает.

Сосны, чудом удерживающиеся на осыпях... Каменные глыбы, сорвавшиеся со скал, а теперь мирно лежащие у берега, лениво облизываемые вечерним морем. Заходящее солнце, розовые облака, тени и золото лучей на камнях... А воздух! Нагретая хвоя и фантастический, ни с чем не сравнимый морской аромат.

Я нашел местечко с удобным заходом: широченная каменная плита полого уходила под воду. Быстро сбросил с себя оттянувший плечи рюкзак и одежду. Вот оно – счастье!

Вошел в море, вода ласково тронула щиколотки, подобралась по ногам, накрыла живот, грудь, я вдохнул и нырнул. Проплыл под водой несколько метров, вынырнул, отфыркиваясь. Глаза с непривычки защипало от соли.

– Кайф! – вслух произнес я.

Вот он – потерянный рай!

Выходить не хотелось. Море удерживало, заигрывало. Ласковое оно было, доброе. Я погладил воду.

– Спасибо тебе! – поблагодарил я.

Рай, конечно, раем, но есть все-таки хотелось, а после купания особенно.

Вылез из воды с сожалением. Натянул одежду, взвалил рюкзак. Однако идти стало гораздо легче. Как будто море смыло усталость целого дня.

«А вот и Ева, – подумал я и улыбнулся своим мыслям, – и даже не одна...»

Издали заметил людей, идущих навстречу. Оказывается, меня ждали. Уже успевший загореть Максимка, прыгая по камням, подбежал первым.

– Привет! – закричал он. – А я нырял с маской!

– Круто! – я хлопнул его по плечу, после чего мы солидно пожали друг другу руки.

Подошла жена, с ней рядом оказались Лена с Костей, не знал, что они приехали, и еще одна незнакомая женщина, высокая, худенькая, с ребенком на руках.

После тишины я мгновенно очутился в водовороте слов, рукопожатий, знакомств, вопросов, взглядов...

Жена тоже порядком одичала и была похожа на девчонку с выгоревшими волосами, во фрифвольной майке и таких же шортах.

– Сережа, а мы тебя ждем, ждем, – щебетала она, – представляешь, Лена с Костей вчера приехали, а это Надя, – указала она на незнакомку с ребенком. – Ты колбасу купил?

Я еле успевал отвечать:

– Привет... здорово, что приехали... очень приятно, Сергей... да, купил две палки копченой, как ты просила...

Ну, вот все и встало на свои места.

Я снова чувствовал себя мужем и отцом семейства, в рюкзаке лежали гостинцы и заказы, вокруг прыгал неугомонный Максимка, жена шагала рядом, крепко держа меня за руку.

– На ужин ты не успел, ну и ладно, ребята привезли мясо, у Нади есть решетка, сейчас сделаем шашлык. Ой, как я рада, что ты наконец приехал! Сейчас увидишь, какой у нас чудесный домик! Просто сказка!

Кажется, я тоже был рад тому, что наконец приехал.

Пока мы шагали в сторону бухты, где располагалась турбаза, я выслушал все последние новости, рассказал о своей встрече с отцом Николаем и Игорем, исключив подробности личной жизни Игоря, разумеется. Сообщил о том, что, возможно, к нам присоединятся еще несколько общих друзей. Я уже не любовался красотами побережья, жена со товарищи поглотили мое внимание целиком.

Я и не заметил, как мы дошли до бухты. Увидел лодку на берегу, белый домик лодочной станции. Несколько человек, сидящих на пляже, равнодушно проводили нас взглядами.

Мы свернули на сосновую аллею, миновали склон с палаточным городком, спортплощадку, поднялись по тропинке и уже в сумерках добрались до нашего домика.

Жена с гордостью начала рассказывать, как ей удалось занять этот домик. Я огляделся. Да, действительно место очень уютное. Поляна, скрытая от посторонних глаз густым кустарником. Высоченные сосны у крыльца. Домик хоть ветхий, давно не ремонтировавшийся, но весьма колоритный, именно таким и должен быть дом на побережье. Высокий фундамент, веранда, маленькая кухня, две комнаты, печка. Причем печка, как мне объяснили, рабочая. Мебель самая простая. От прежних постояльцев остались причудливые коряги, расставленные на полке.

– Это был директорский домик, – рассказывала жена, – а потом, когда прошел сель, в нем никто, кроме сторожей, не жил. Здесь и туалет свой, не надо бегать в общественный. Здорово, правда?

– Правда, – согласился я, улыбаясь.

Мы разобрали рюкзак. Костя заявил, что будет заниматься шашлыком, но только пусть кто-нибудь сгоняет за дровами.

Я переоделся, и Максимка потащил меня вверх по склону показывать, где тут у них «залежи дров».

Пока мы таскали дрова, женщины прямо на поляне у костра накрыли стол. Закипел чайник. Нет ничего лучше, чем пить чай у костра, слушать звуки леса, негромко говорить о чем-нибудь, смотреть на звезды...

– Сегодня у Валеры показательные выступления перед туристами, – пошутила Лена, – на дискотеку пойдем?

– Почему бы и нет? – ответил Костя, переворачивая шампуры со шкворчащим мясом.

От мяса и углей шел нестерпимый аромат, я то и дело глотал слюну. Жрать хотелось невероятно!

Лена принесла из домика местное вино. Это божественно: запивать горячее мясо молодым вином и знать, что в нескольких метрах от тебя сонно дышит море, вдыхать запахи нагретой за день хвои, слышать шорохи леса и думать о том, как идеально устроен этот мир...

Хорошо!

Надо обязательно сходить на дискотеку и поздороваться с Валерой – директором турбазы. Мы не первый год знакомы. Бывая в столице по делам, Валера останавливается у нас. Сам он живет в Геленджике, но в основном все свое время проводит здесь – на этой турбазе.

Сегодня он решил выступить перед туристами – это своего рода ритуал. Стоит пойти посмотреть.

Валерина гордость – дискотека: дощатый настил с навесом, выкрашенный финской краской (почему-то происхождение краски особенно подчеркивается). Отдыхающие тихонько сидят на скамейках, слушают, смотрят.

Валера прохаживается по настилу: синему, со звездами. Красный башлык сложенными крыльями колыхнется поверх черкески. Мягко ходит, развернув плечи. А туристы, особенно новички, те, кто в первый раз видит Валеру, разинув рты, слушают рассказ об адыгах, населявших когда-то эти берега, о черкесах, Кубанском казачьем войске, о шустрых турках, промышлявших пиратством и работоторговлей.

Оно конечно, какой казак из Валеры – плюшевый. Но он старается, просвещает новичков. Туристы у него самые разнообразные – «цигуны», под предводительством их бессменного лидера – усатого мужичка в камуфляже, группа пестрая, люди из разных городов, в основном женщины, они у нас особенно легковерны и подвержены влиянию, ведутся на всевозможные оздоровительные практики. Затем группа психологов, зачем-то устроивших на турбазе выездную конференцию. Спортсмены-каратисты из Москвы – это постоянные Валерины клиенты. Публика разномастная, разновозрастная, разнополая. Кто-то потягивает пиво, кто-то ждет начала дискотеки, а кому-то действительно интересно слушать директора.

– Геленджик переводится как «невесточка»; здесь процветал невольничий рынок, отсюда увозили красавиц-черкешенок за море в турецкие гаремы. Казаки поставили крепость, разогнали турок, но название осталось... Спрос рождает предложение, – повествует Валера, – народ в здешних поселениях часто голодал. Что лучше – продать девчонку богатому турку или смотреть, как она от голода пухнет? Вот сюда, например, в нашу щель, приходили турецкие фелуки, их загоняли по прорытому каналу в такую яму-бассейн, маскировали, чтоб с моря не было видно, и грузили-разгружали. Место, где находилась яма, до сих пор сохранилось, можно посмотреть.

– А куда делись поселения? – спросил кто-то.

– Смерч полностью смыл оба аула на том и на этом склоне, – объяснил просветитель. – Это давно было, более двухсот лет назад. Только с тех пор здесь никто не селился, а щель прозвали Красной...

Давно...

...шелест моря, скрипичный концерт цикад, вдохновенные лягушачьи хоралы: и за всем этим почти неслышимое, неуловимое постукивание снастей укрытой в бухте фелуки. Дикая луна, резкие тени, очерченные горные склоны, тонкий запах дыма, смешанный с другими – влажными и пряными. Быстрые людские тени, негромкий говорок, незнакомый и в то же время словно бы понятный, известный и вечный язык...

Высокий старик в драной черкеске – босой, сутулый, редкобородый – равнодушно торгуется с суетливым турком; а тот торопится, поглядывая на сонное море с опаской, словно дерзкая луна вот-вот наколдует казацкий шлюп.

Рыжая луна пролилась тяжелыми каплями в море, разделила тусклым золотом, залила светом каменный берег, погасила звезды. Словно смотришь на мир сквозь темные очки, а на самом деле – что ни на есть солнечный день. Только лягушки поют свою долгую песню – радуются ночи.

Спать невозможно! Спать – грешно и нелепо. Море тянет к себе. Я подчиняюсь. Вода теплее воздуха. Я плыву с луной, по луне, к луне... На берегу парень поет одну за другой песни для своей подружки, поет, почти не прерываясь и не меняя интонаций. Лягушки, цикады, человек... Так тоже уже было, наверное... Было уже много, много раз.

Странное место, ей-богу. Сначала вроде ничего – как обычно: мусор на пляже, столовка под навесом, пересохшее русло горной речки – треснувшая досочка на двух камнях перекинута, палатки желтые в зарослях кизила на склоне. Туалеты пахнут по-человечески: хлоркой и... чем еще пахнут туалеты? Туристический приют в ущелье с названием Красная щель, а по-другому – турбаза «Черномория». Тоже все по-человечески – смешные деньги, и живи себе, радуйся: море, солнце, кормежка трехразовая. Хозяин всего этого рая – Валера Савицкий.

Мальчишки его Советским прозвали. На вопрос «почему» отвечают, что Валера, мол, любит все советское. Мальчишек много, как и девчонок: спортсмены из Питера, школьники из Твери, две группы из разных сибирских городов. В общей сложности набирается до ста человек вместе с преподавателями.

– А что это такое – советское?

– Ну, это когда все бесплатно и еще партсобрания были, – соображает кто-то. Другие мычат, удовлетворенные ответом. Для одних – целая жизнь, для других – краткий промежуток жестокой российской истории. Ленин – мифический герой, Сталин и Гитлер – близнецы-братья, больше похожие на голливудских вампиров. И ничего с этим нельзя поделать. Правда, патриотизм тоже имеется.

– Почему американцы хотят присвоить себе нашу победу над фашистами? Ведь это мы победили!

В этом «МЫ» чувствуется гордость великоросса, гены которого не ведают поражений.

О том, что было раньше, мальчишки не знают или почти не знают; да и сам Советский плохо помнит.

Он приехал сюда 27 лет назад – инструктором на студенческую практику, – и затянуло.

– Я юрист, – с гордостью говорит Валера, – у меня образование высшее, поэтому я все понимаю. Чего они теперь носятся со своим президентом? Смотреть противно! Демократы хреновы, развалили страну: этот алкаш, и тот еще был – меченый... Воры. Вор на воре. Собрались разбойники в Пуще и поделили. Оно им принадлежало? Они это собирали? Раньше идеалы были, а теперь? Жадность возвели в государственную идею. Уголовники! У меня друзей не осталось, все помешались на прибыли.

Жмущуюсь лениво после только что поглощенного обеда. Валера сидит напротив и грузит меня по обыкновению.

– Валер, почему ты все время о политике? – удивляюсь я. – Тебе-то что?

– Как – что? Я историей увлекаюсь, книжки читаю. Вот кто сегодня модный писатель – Сорокин. О чем пишет – о говне. Вот она – главная идея, основа нынешнего рыночного общества. А был бы Сталин – всех этих говноделов давно бы к стенке поставил!

Столовский навес и густая листва заботливо укрывают нас от послеполуденного жара, шелестит море, стучит мячик – рядом играют в пинг-понг. Самое время пойти в домик, поваляться...

– Уже было...

– Что? – Он неумолим. – Значит, мало! Мешаешь жить – к стенке!

– Так ведь ты тоже кому-то мешаешь, – хмыкаю в ответ. – Значит, и тебя тоже?

Перспектива Валере явно не улыбается. Он не желает к стенке, он хочет жить в обществе людей достойных, поступающих только по справедливости. Таких людей, как он сам, – ведь он, несомненно, человек достойный и справедливый... Некоторое время он молчит, наклонив над столом голову. Наверное, я, сам того не ведая, подтачиваю Валерину теорию всеобщего счастья. Он знает, реализация любой идеи требует жертв. И Валера готов жертвовать, ратуя за свою мечту. Распрямившись, глядя прямо мне в глаза, он говорит:

– Значит, и меня!

– Нет, – вздыхаю, – не проходит твоя доктрина. Нам не стрелять друг друга надо, а хоть немного очухаться. Генофонд восстановить.

Он задумывается, встает и молча уходит. Наверное, переваривает услышанное, чтобы снова как-нибудь, сидя со мной в столовке или поймав на пляже, поделиться новыми мыслями о том, «как обустроить Россию».

Так проходит несколько дней. А потом прибывает Саша Локтев – мы с ним познакомились на тех самых театральных тренингах. Саша и Игорь учились в разное время у одного мастера.

Но о Саше надо подробнее.

Он появился как раз во время ужина.

Длинный, тощий, с громадным рюкзаком за плечами. Он ввалился в столовку, увидел нас, обрадовался.

– Ребятюшки! – раздался радостный возглас. – Я вас нашел!

Ужинающие туристы побросали ложки и уставились на него с любопытством.

Я представил приятеля Валере. Тот кивнул, осведомился, где он хочет жить, в домике или палатке.

– Не, у меня все с собой, – Саша кивнул на рюкзак, – вы лучше покажите, где у вас можно встать?

– «Дикарей» не пускаю, – отрезал Валера. Потом придирчиво осмотрел и разрешил пока пожить в пустующей палатке, даже денег с него не взял.

Саша, естественно, поселился, питался кашей, оставшейся от завтрака, и бродил по побережью в поисках халявной стоянки. Таковой не обнаружилось. Тогда предприимчивый Саша договорился с Советским об аренде поляны, а точнее, островка, намытого горной речкой. Валера и это разрешил, с одним условием: не должно быть младенцев. Это условие жестко оговаривается Валерой со всеми туристами: на базе нет врача, до ближайшего поселка семь километров, змеи и огонь-трава. Кроме того, Валера панически боится детей. Мы все знаем, что у него есть сын, которого отец видел в последний раз, когда мальчику было лет пять. Может быть, из-за этого при виде младенцев директор сатанеет?

Правда, на турбазе вместе с мамой, той самой Надей, новой приятельницей моей жены, живет годовалый младенец, но он – сынишка Валериного друга. Советский поселил маму с ребенком подальше от глаз, в домик на отшибе.

Валера подробно инструктирует Сашу:

– У нас туристический приют. Существуют определенные правила, которые нарушать нельзя: никаких детей младше семи лет! У нас не комната матери и ребенка, случись что – меня по головке не погладят. Комиссии каждый день, – он раздраженно машет рукой в сторону моря, – я вас селю, потому что за вас поручились, – теперь кивок в мою сторону. Саша слушает внимательно, медленно, с достоинством соглашается. Его прямо-таки распирает от солидности и понимания.

– Конечно. Ты не волнуйся. Моему сынишке уже восемь. Остальные все взрослые. – Они расходятся довольные, пожав друг другу руки. Саша бежит на берег сбрасывать эсэмэски друзьям.

Первыми приезжают Сашин шеф с семейством. Груженная продуктами и вещами лодка привозит моложавую тещу шефа, пока он сам с женой и дочерью идет по побережью, любясь красотами. Саша у них за проводника, разумеется.

– Не встречай, – советует мне жена, – потом не отвяжешься. Ты уже все сделал.

Я соглашаюсь. Но перед ужином иду на берег. Одинокaя женщина в кокетливом джинсовом костюме сидит на горе рюкзаков, кастрюль и сумок.

– Здравствуйте. Вы к Саше?

– Да, – удивленно отвечает она.

– Сейчас я позову кого-нибудь, чтобы помогли вещи отнести.

Моя жена обреченно качает головой. Подбежавшие мальчишки – Валерины племянники – быстро перетаскивают на арендованный островок пакеты с картошкой, выварки с салом, туки, сумки... Я помогаю. Костик не участвует, поглядывает равнодушно.

Советский успокаивается окончательно. Правда, ему непонятно, отчего такие солидные люди не хотят платить за полный пансион, но, видимо, решив, что это не его дело, Валера отступает. Он разрешает взять лишние настилы для палаток, и на островке поселяются первые дикари.

С утра Валера в белых брюках, красной рубаше и портфелем под мышкой уехал встречать новую группу. Вернулся расстроенный. Нашел меня на пляже, присел на выкинутое штормом бревно.

– Что случилось, Валер?

Он достал платок из кармана, вытер пот со лба. Помолчал.

– Да ну их!

– Кого?

– Туристов! Ждал, ждал, по всему вокзалу бегал, троих так и не нашел.

– Взрослые люди, сами доберутся.

– Нет, ну до чего народ у нас дурной! Ведь сказано же: будет автобус. Нет, двое на частнике уехали, а еще одна даже не знаю где. Ведь обдерут как липок!

Думать о заплутавших туристах не хочется, не стоит оно того. Солнце уже низко. Нежное море лениво готовится к закату. Прохладные горные тени прогнали дневное пекло. Благословенные часы, когда каждая клеточка живет в полной гармонии с окружающим миром. Мы молчим, закрыв глаза, теплый воздух гладит кожу, осторожно, не спеша раскрашивает тело бронзой. Хорошо...

Я поворачиваюсь на бок и вижу, как по берегу в нашу сторону бредет женщина.

– Смотри, какая странная.

Советский приложил ладонь ко лбу и разглядывает некоторое время приближающуюся тетеньку. Она абсолютно голая, если не считать двух тонких платков: на плечах и бедрах. Женщина тащит тяжеленную сумку.

– Не твоя потерявшаяся, случайно?

Советский хмыкнул, но остался сидеть на месте, ожидая, пока женщина подойдет поближе. Вскоре сомнений не осталось, она направлялась прямо к нам.

– Здравствуйте, – голос у нее низкий, с хрипотцой. Она сбросила с плеча сумку, выдохнула с облегчением и уселась рядом с Валерой. – Вы директор? – спрашивает она.

– А вы отставшая? – в свою очередь интересуется Валера.

– Да.

– Как же вы добрались? – Он разглядывает ее, не смущаясь, скорее чуть раздраженно. Женщина успела обгореть, пока протопала семь километров. Плечи и живот стали малиновыми, солнце обожгло ей лицо и покрыло красными пятнами небольшую отвисшую грудь.

– Ничего, нормально, – отдуваясь, отвечает она, – только сумка тяжелая.

Советский сокрушенно покачал головой.

– Пойдемте, я вас оформлю. – Она поднялась поспешно, попыталась подхватить свою поклажу. Советский опередил ее.

– Там еще пакеты, – сказала женщина, – я бросила их на пляже. Сейчас сбегаю...

– Оставьте, – поморщился Советский, – я скажу, вам их принесут.

Вечером были шашлык, вино и знакомство с новенькими. Отставшую женщину зовут Валея, а по профессии она – экономист. Я почему-то так и подумал...

Новенькие словно с цепи сорвались. Всю ночь турбаза стояла на ушах, народ надрался до изумления. Кто-то тоскливо кричал из темноты: «Люди! Где я живу? Кто-нибудь!» Снизу по склону пыталась подняться женщина, закутанная в одеяло. Она шла на свет от фонаря, но у нее никак не получалось преодолеть подъем, она тянула вперед руки и всхлипывала: «Помогите...» Я протянул ей руку и помог подняться. Терпеть не могу пьяных женщин!

– Проводите меня, пожалуйста, до палатки, – лепетала она.

– Какой у вас номер?

– Не знаю...

– Господи боже! Ну, хоть примерно, – взмолилась Лена.

Женщина тяжело сопела, честно пытаясь вспомнить номер.

– Кажется, пятая.

– Идемте! – Лена позвала Костю, и они, тихонько чертыхаясь, пошли провожать перебравшую.

Потом сверху шумно скатился упавший юнец, он долго возился в тщетных попытках встать на ноги. Подобрали и его. В довершение ко всему появилась парочка.

– Ты от меня не уйдешь? – громко вопрошала она.

– Не волнуйся, я тебя доведу, – тихо обещал он.

– Ой, как писать хочется... Нет, стой! Стоять! – крикнула она.

– Да я стою...

– Знаю я вас, – проворчала женщина. – Дай руку.

Судя по звукам, она писала и, видимо, держала его за руку, чтобы не смылся. Чуть позднее он все-таки оторвался от нее и шумно убежал не разбирая дороги, преследуемый ее гневными криками. Кажется, Валя-экономист упустила местного инструктора.

А утром пошел дождь.

За завтраком народ тяжело похмелялся, разливая принесенное под столом.

Я отправился провести «дикарей». На острове пополнение. Приехали Сашины знакомые. Две женщины и маленькая девочка. Они пришли по берегу. Валера сделал вид, будто никого не видел.

Штормит.

Одинокая экономистка лежит неглиже на туристическом коврике, сердитое море бросается волнами, окатывает ее ноги. У всех проходящих мимо женщина кокетливо спрашивает «который час».

Мы загораем далеко от пляжа, там, где прибрежная скала пьет соленую воду длинным каменным языком, окруженным тремя рядами белых клыков; обточенные морем валуны с кварцевыми наконечниками, пасть дракона.

– Вы не подскажете, обед во сколько? – радостно спрашивает Валя со своего коврика.

– В половине второго, – вежливо отвечает Лена.

– Хорошо здесь, не правда ли?

– Замечательно.

– Кстати, вы будете участвовать в Дне Нептуна? Директор обещал устроить нечто грандиозное.

– Вряд ли. – Жена тянет Лену прочь от навязчивой экономистки. Мы с Костей быстро ретируемся.

– А вы не знаете, где это все будет проходить? – доносится нам вслед.

– Нет, не знаем, – отзывается моя жена.

– Хорошо вам, у вас компания... Директор обещал сделать фотографии, – вспоминает она. – Приходите на праздник, будет интересно.

– Знаете, у нас такая работа, что мы, наоборот, стараемся избежать компании хотя бы на отдыхе.

– Понимаю, конечно, – она обреченно вздыхает. Мы уходим, оставив позади драконью пасть.

Во время обеда Валера распекает новеньких, особенно достается самым молодым. Причина – вчерашняя поголовная пьянка.

– Хотите орать, – идите на берег и орите! – чеканит слова Советский. – Вы здесь подчиняетесь правилам общежития. Нет – возвращаю деньги, путевки, и до свидания!

На скамейке в стороне ото всех сидят: медсестра Эля, сторож Олег Федорович и инструктор Юра. Им досталось от разгневанного начальника за продажу водки туристам. Валера не пьет, не курит и не переносит алкашей. Почти все работники базы родня Советского – его сестры, племянники и племянницы или люди по особым рекомендациям от друзей. Олег Федо-

рович и Юра относятся к спасателям, они назначены местной администрацией, с которой ссориться Советский не хочет, оно и понятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.